

В программе концерта артистов Имперского Русского балета Гедиминаса Таранды, организованного в Государственном Кремлевском дворце продюсерской фирмой "Арт – ХХI век", было все: "просто" классика, классика, объединенная с народным танцем, современные номера, были "шлягеры" и была премьера – мистического и "оргиастического" балета "Болеро" в постановке Николая Андросова, был даже канкан с переодеванием мужчины в женские одежды. В общем, в ней смешался глас рассудка с шумом легкой болтовни... Два номера "не смешались" ни с чем – "Лебедь" и "Айседора" в исполнении Плисецкой. "Явление Майи" назвали организаторы этот концерт. И реакция публики как нельзя лучше продемонстрировала, что попали в точку. Всякий раз эта женщина выходит на сцену, словно бросая вызов, словно только что на пути к ней преодолела какую-то невидимую преграду. Перед концертом очень болела нога. Не самое пустячное препятствие для балерины... Но тебя, уважаемый господин зрителю, это не касается. Пришел увидеть Танец – и увидишь! И увидел, что этот танец по-прежнему хранит свои прекрасные очертания, и не мог оторвать взгляда от говорящих, поющих, танцующих ее рук. Как всегда, она вышла победительницей. Стояла на краю сцены и улыбалась орущему залу. Шесть тысяч мест в КДС, даже те, что под самым потолком, были заняты.

ЯВЛЕНИЕ МАИИ

– Майя Михайлова, вы не раз говорили и написали в своей книге о том, что вам часто задают вопросом, когда вы уйдете со сцены. Но, кажется, никто не спрашивал: а каково это – танцевать в 70 лет, очень трудно?

– Если ты поддаешься болезни или плохому настроению, если чинимые препятствия заставляют опускать руки, а не разжигают в тебе азарт, тебе в любом возрасте будет трудно танцевать, петь или читать монолог на сцене. Сцена – это жизнь, радость. Тот, кто думает и чувствует иначе, скорее всего вообще напрасно на нее выходит. Оркестр начинает играть, Лебедь взмахивает крыльями – и неужели вы думаете, что в этот момент я вспоминаю, сколько мне лет? Кстати, мне вовсе не семьдесят, а почти семьдесят два.

– В какой мере вы участвуете в жизни Имперского Русского балета? Звание почетного президента налагает на вас какие-то обязанности?

– Можно ли считать обязанностью выступления в концертах, которые к тому же проводятся в твою честь? Я всегда рада помочь этой труппе – своим именем прежде всего, потому что мне нравится, как она работает. Гедиминас муштрует своих артистов и добивается отличных результатов. Они всюду имеют огромный успех. И выступая без меня – тоже. А я рада находиться среди молодежи. Когда вокруг тебя молодые, больше думаешь о будущем, чем о прошлом.

– То, что вы с таким увлечением взялись за свой конкурс, тоже говорит о вашем желании быть среди молодежи?

– Всегда надеешься совершил открытие. А вдруг именно этот номер 7 или 8 будет "звездой" номер один в начале ХХI века? Помню, как мы все ахнули, посмотрев выступление Барышникова на первом московском конкурсе. 12 баллов была высшая оценка. Я подумала, "мало" – и поставила 13. Барышниковы рождаются редко, но еще реже рождаются хорошие хореографы. Вот главная беда балета, особенно нашего. А на моем конкурсе сразу же был "объявлен" поиск талантливых балетмейстеров. На следующем, кстати, для них и премиальный фонд будет увеличен. Помимо всего прочего, конкурсы дают прекрасную возможность наблюдать изменения, происходящие в

Павловская

искусстве танца, как бы фиксировать ход времени.

– Какие конкретно изменения и как быстро, на ваш взгляд, они происходят?

– Артисты на сцене теперь могут уже в узел завязываться. И дело не только в том, что раньше так не умели, – это считалось неэстетичным. Хотя началось все далеко не вчера и укоренилось, как ни странно, довольно быстро. На том же первом московском конкурсе выступала девочка, кажется, американка, которая раздирилась так, что один весьма авторитетный член жюри сказал: "Она ошиблась адресом". А на втором Надя Павлова, которая делала то же самое, уже получила Гран-при. Многие наши прославленные премьеры были временем сейчас имели бы довольно бледный вид. Вот ведь парадокс: школа, классическая школа стала хуже, а танцуют лучше. Но, разумеется, никакая техническая изощренность не спасет, если нет индивидуальности. Иной разожалеешь о том, что на балетных конкурсах не принято ставить отдельную оценку за артистичность.

– А кому из нынешних "звезд" вы бы поставили высший балл и за технику, и за артистизм?

– Такого Альберта в "Жизели", как Алексей Ратманский, я не видела никогда. Весь второй акт не покидает ощущение, что Жизель ему только чудится, именно он "играет" ее призрачность. Добиться такого эффекта может только очень талантливый актер. При этом он еще и здорово танцует.

Замечательно исполняет "Видение розы". У него не пустые глаза – он знает, зачем вышел на сцену. И такое тоже бывает чрезвычайно редко. Наконец, он очень неплохой хореограф.

Фото Н. Аловерт

Культура. – 1997. – 16 окт. – с. 13

Лебеде и о себе

Из балерин меня и в техническом, и в эмоциональном плане абсолютно устраивают киевлянка Елена Филиппова и Татьяна Чернобровкина из Театра Станиславского и Немировича-Данченко.

– Вы видели Чернобровкину в "Кармен-сюите"?

– Фрагмент. Мне очень понравилось.

– После вас трудно воспринять кого-либо в этой роли...

– А не надо сравнивать – и будет легче! У меня этой проблемы нет: я-то себя в "Кармен" не видела.

– Каковы ваши "взаимоотношения" с другими видами искусства?

– Всегда любила скульптуру. Одно из самых потрясающих открытий, сделанных мною в последнее время, – уральский скульптор Виктор Митрошин, автор Гран-при конкурса "Майя". Но вовсе не это обстоятельство заставляет меня считать его великим талантом. У него множество других работ. И в каждой он демонстрирует великолепное чувство формы и уникальную способность создавать впечатление лишь на миг остановившегося движения.

Раньше довольно редко удавалось ходить в концерты, теперь же в Мюнхене хожу очень часто. Пристрастия в музыке у меня очень разнообразные, но любимым композитором остается Родион Щедрин.

– Как воспринимает жена музыку своего мужа?

– Хорошо воспринимает. Уверена, его музыка – родом из ХХI века, и ей еще только предстоит получить настоящее признание. Го-

Музъ

ворю это без всякого смущения. Не стеснялась же, например, мать Гоголя называть своего сына гением. Конечно, в глубине души так считают все матери. Но думаю, то, что я жена, не мешает мне быть объективной.

Музыка Щедрина в последнее время много исполнялась в мире. И с этим тоже связаны мои сильные впечатления. Я открыла для себя изумительных финских музыкантов – трубача Йоуко Харь-

моих спектаклей, я в последние годы не переживала. Одними же радостями внимание читателя не удержишь. А скучу вызывать я не хочу. И, слава Богу, вот такой реа-акции не было ни у кого.

– А какие были отзывы и какой из них особенно вас порадовал?

– Я рада, что кое-что поняли про страшную нашу жизнь иностранцы и молодые люди в России, которым посчастливилось родиться не в сталинские и прочие советские времена. Рада, что пережившие те времена согласились со мной: да, было так. Что я ничего не перепутала, не забыла. Впрочем, говорили мне иногда, что преувеличила. Нет, преуменьшила! Фразы генерала Серова "Не смейте мне звонить, а не то пожалеете" не написала, как и многое другое.

"Мало кому понравится" – был и такой отзыв на мою книгу. Имелись в виду "заинтересованные" лица. И на самом деле, обиделись и те, кого от меня досталось, и многие из тех, кого похвалила, –

– "Мало кому понравится" – был и такой отзыв на мою книгу. Имелись в виду "заинтересованные" лица. И на самом деле, обиделись и те, кого от меня досталось, и многие из тех, кого похвалила, –

им показалось мало, а больше всех – те, кого "забыла" упомянула.

– По словам Игоря Моисеева, вас и Галину Вишневскую после того, как вышли ваши книги, стали называть "народными мистителями". Как вы сами считаете, есть для этого основания?

– Я не стремилась отомстить. Я хотела справедливости. Зло должно быть, если не наказано, то, по крайней мере, названо. Еще хотела рассказать, что на самом деле происходило в моей жизни, а что – нет. Чтобы уже не было смысла отличия, а не наоборот. Зал аплодировал стоя. Как всегда, великолепно сыграл в Монте-Карло посвященную ему Родионом виолончельную сонату Мстислава Ростроповича. Прекрасно воспринимала музыку своего мужа и в записи. В последнее время у него вышла масса компакт-дисков – "Мертвые души", "Цирк", другие сочинения.

– За последние полгода вы дали свой "Майский бал", после чего заехали в Москву, чтобы поздравить с днем рождения Ростроповича, приняли участие в репетициях нового балета Николая Андросова, слетали в Сибирь, где дали концерт с Имперским балетом, затем председательствовали в жюри балетного конкурса в Гданьске, побывали с Имперским балетом на гастролях в Японии, только что выступили в Москве и уже собираетесь с Имперским балетом в Финляндию... Вам нравится этот бешенный ритм? Как вам удается не уставать от жизни?

– Еще как устаю. Но жизнь заставляет двигаться. Впрочем, если на том свете нас ждет вечный отдых, стоит ли устраивать его репетицию на этом?

Беседу вели Наталья ШАДРИНА